

Морозко

Жили-были дед и баба. У деда была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернешься - бита и недовернешься - бита. А родная дочь что ни сделает - за все гладят по головке: умница. Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела - еще до свету... Ничем старухе не угодишь - все не так, все худо. Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится - не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить. - Вези, вези ее, старик, - говорит мужу, - куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

- Садись, мила дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал. Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит - невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

- Тепло ли тебе, девица?

Она чуть дух переводит:

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

- Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей; окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

- Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места, где под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте-серебре, а около - короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.

А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

- Не так твякаешь! Говори: "Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут..." Собака съест блин и опять:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, собачка - все свое...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица - в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула - и руки врозь...

- Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит. А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

- Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

- Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

- Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

- Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут. Старуха кинула ей пирог:

- Не так тявкаешь! Скажи: "Старухину дочь в злате-серебре везут..."

А собачка - все свое:

- Тяв, тяв! Старухиной дочери в мешке косточки везут... Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая.

Заголосила старуха, да поздно.